

*Старостенко В. В.
г. Могилев, Республика Беларусь*

ИДЕИ СВОБОДЫ РЕЛИГИИ В БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЙ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ПРОБЛЕМЕ БРЕСТСКОЙ УНИИ

На рубеже XVI–XVII вв. общественное бытие и самосознание белорусско-украинского сообщества претерпевают значительные изменения. Религиозно-политическая борьба в связи с введением Брестской церковной унии обострила национально-патриотические чувства, способствовала пробуждению исторической памяти, гражданско-правового и конфессионального самосознания. Идеологическое противостояние, духовные искания в этот период истории получили наиболее яркое отражение в полемической публицистике. Посредством осмысления проблемы унии выражалось отношение к религиозному самоопределению и значению свободы совести [18, С. 70–99].

Первая попытка развернутого обоснования идеи «церковной едности» была предпринята иезуитом П. Скаргой. В его работе «О единстве церкви Божьей» и других публикациях католических и униатских авторов уния рассматривалась как средство достижения «згоды», религиозного и гражданского мира в стране, способ упрочить политическое единство Речи Посполитой. Данные идеи рельефно выражены в сочинениях И. Потей. Считая унию главной общенациональной и общегосударственной задачей, Потей оправдывал использование любых методов для её реализации, не исключая прямого насилия. «Помогите мне своею властью, – обращался он к канцлеру Сапеге, – и увидите, что я их так усмирю, что и другие побоятся, так как милостью мы ничего не подделаем с этим скотом» [8, С. 74]. Обычной практикой в ходе унизации общества стали отлучение от церкви, преследование православных братств, «наезды» на церкви и т. п., что закономерно вызвало возмущение и сопротивление делу унии со стороны значительной части общества.

Идеологи православия категорически отказывались от подобного рода «святой згоды». Громкое общественное звучание получило вышедшее в 1596 г. «Казанье святого Кирилла патриарха Иерусалимского...» С. Зизания, в котором обосновывалась идея о римском первосвященнике как Антихристе [6, С. 1–10]. Подобной позиции придерживался Клирик Острожский. В «Отписе на лист... отца Ипатиа» он утверждал, что не всякое согласие заслуживает почтения, «не в каждой згоде кохается Бог». Уния для него – «сеть диаволу», «колотливая згода», «помешанье сумненья и веры» [11, С. 386–413].

Одной из важнейших ценностей отечественной общественной жизни многие антиуниатские полемисты считали религиозную терпимость. Автор «Апокрисиса» Х. Филалет убежден, что «в вере никому не треба кгвалту чинити», «ничого не есть так добровольного, як набоженство и вера». Веротерпимость, по его мнению, залог общественного согласия и мира: «любовь, дружность, домашнее согласие... держали... эту корону в... великой славе и грозном для соседей могуществе...». В свете веротерпимости Филалет рассматривает сложившуюся после 1596 г. ситуацию в стране. Патриоту Речи Посполитой, раздираемой внутренней религиозной враждой, больно «отчизну... умотаную видети». Полемизируя с Потеем, Филалет утверждал, что не всякая «згода» создаёт общественное благо, а лишь та, которая основана на доброй воле. Политика преследований за религиозные убеждения является нарушением «старожитной згоды и милости», причиной «междусобий», что ведет «до крушения... корабль Речи Посполитой». Стремление Филалета сохранить целостность страны, гражданский мир – свидетельство его патриотизма и зрелой гражданственности. Писатель полагал: нельзя допустить, «чтобы с религией погибло и отечество» [10, С. 1008–1732; 12, С. 40–42].

Под псевдонимом Филалета в защиту православия выступил, как полагают многие исследователи, близкий к протестантизму М. Броневский, что не является случайным. Идея политического союза с протестантами была чрезвычайно популярна, в частности, в окружении православного магната К. Острожского, одного из лидеров православного лагеря. В обстановке общей угрозы, исходящей со стороны Контрреформации, конфессиональные разногласия были отодвинуты на второй план. В послании Виленского православного братства протестантам (1599 г.) прямо говорилось: «до зуполное обороны слушне бы нам жадати панов евангеликов». «Виленское братство, – по убеждению «Перестроги», – в купе зостало, маючи при себе геретиков, которых им Господь Бог заступцами дал» [1, С. 215]. В 1599 г. была заключена Виленская конфедерация шляхты «греческаго» и «евангелическаго» исповедания, подписанная самыми знатными православными и протестантскими феодалами. В принятом Акте выражалась глубокая тревога в связи с забвением в Речи Посполитой интересов «общего блага», нарушением принципа «одинаковой и равной свободы» с «людьми римскаго исповедания». Заявлялось о необходимости строгого соблюдения норм Варшавской конфедерации 1573 г. как залога сохранения в стране «внутренняго согласия, любви, доверенности и общаго покоя», который «предками нашими и нами установлен» [17, С. 20–21]. Дружественные межконфессиональные отношения православных и протестантов внедряли в сознание общества идею сотрудничества христиан на основе добровольности и взаимотерпимости.

Разрушительницей гражданского мира, причиной «великого неупокоя и замешанья» считал унию автор «Перестроги»: «... все злое оттоль пошло и конца еще не маеть». Как и другие авторы, он рассматривал унию средством дискриминации православных русинов, происками Сатаны. Соглашаясь с князем Острожским, полемист полагает, что свобода религиозного выбора является важнейшим условием сохранения общественного согласия [1, С. 210–219].

Яркая и колоритная картина подавления религиозной свободы в Речи Посполитой, «бествячейся унитской схизмы» создана М. Смотрицким. Автор убеждён, что никакими доводами нельзя оправдать «угнетения, насилия, гонений, тюремных пыток, издевательств и других жестокостей над ни в чём не повинными людьми». Он провозглашает заботу о сохранении религиозной свободы одной из основных обязанностей государства. «Всякое государственное благополучие, – считает Смотрицкий, – зависит от внутреннего мира в нём» и «ничто не приводит королевство к быстрейшему упадку и уничтожению, чем наступление на веру». Апеллируя к давним привилегиям «русского народа» и православной церкви, Смотрицкий доказывает, что «русские» (т.е. белорусы и украинцы), литовцы и поляки соединены в едином государстве – Речи Посполитой – на основе признания их равенства и уважения вероисповедных прав. Полемист трактует духовную свободу как важнейшее и неотъемлемое право человека: «Что может быть тяжелее и нестерпимее в человеческой жизни, чем неволя?»; «если в вере невольники, то в чем же можно быть вольными?». Он убеждён, что «русская вера» «не может быть уничтожена раньше, чем будет уничтожен русский народ». Попытка «изменить веру русского народа, – заключает автор, – является стремлением уничтожить русский народ», а значит «истребить немалую часть нашей отчизны» [2, С. 514–529; 7, С. 178–185].

С позиций конфессиональных, национальных и общегражданских интересов анализирует унию и Л. Древинский. В сеймовой речи 1620 г. он связывает «великия и неслыханныя притеснения» православных с угрозой «общему Республики благу». Обосновывая необходимость религиозного «успокоения» и признания прав «греческой веры», Древинский утверждает, что без «внутренняго покоя в доме своём» не стоит надеяться на лояльность «народа Греко-Российскаго исповедания» [4, С. 69–71]. Уния, по

выражению А. Мужиловского, – «шаленство, албо отступлене розуму». Отвергая заявления о воскрешении древней «згоды», он утверждает, что «не такая едность по всем свете трвала, якуются вы склетили...» [2, С. 272–276]. Аналогичные оценки унии содержит «Палинодия» З. Копыстенского. Полемист согласен с утверждением современника (Я. Г. Щенсного), что уния ведёт к тому, чтобы «Руси не было в Руси» [9, С. 957]. Уния содержит угрозу гражданскому обществу, поскольку «два народы, здавна в панстве пристойно злученыи, вадят», что неизбежно «до войны кровавой» приводит. Неоднократно автор напоминает о традиции веротерпимости у «Россов» [9, С. 503–1111].

Усиливающиеся религиозные гонения, возрастающую нетерпимость в обществе некоторые православные писатели связывали с приближением конца света. В «Ляменте у света убогих на жалосное преставление... отца Леонтия Карповича...» говорилось: «Знаком валки внутрии, постронных погрозки, знаком полон, вязеня, кайдалы, поврозки, которими не только христиан погане, леч, што тяжша, свои своих, христиан христиане (...) Домовый неснаски, ненависть терпети от своего своему, близкий конец, дети» [15, С. 159].

Проблема унии затрагивалась в некоторых предисловиях к богослужебным книгам и летописях. В посвящении изданного в 1611 г. Нового завета монахи Виленского братского монастыря восхваляли Б. Огинского за то, что он поддерживает «веру святую» в период «бед и тежаров» [14, С. 57–58]. Автор «Хроники Литовской и Жмойтской» (сер. XVII в.) писал, что «...унея и по сей день межи правоверными колотне и ростирки церкве божой чинят» [13, С. 85].

Автору Баркулабовской летописи свойственно неприятие всего того, что нарушает общественное согласие и мирную жизнь страны, не согласуется с традициями религиозной толерантности. Восхваляется Стефан Баторий, при котором сохранялась относительная веротерпимость: «... был человек побожный, рыцерский, военный, щасливый, правдивый, правый» [13, С. 175]. Летописец отрицательно относится к государственной политике Жигимонта III, при котором «показалось отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы», на православие. Значительная часть летописи посвящена Брестскому церковному собору. Уния, считает автор, «великое и немилостивое замешане у вере от римлян на святую веру восточную греческую». Летописец примыкал к тем полемистам и общественным деятелям (К.К. Острожский, Клирик Острожский, З.Копыстенский, Х.Филалет и др.), которые, отвергая церковный сепаратизм, не выступали против идеи унии как таковой. Они мыслили её крупномасштабным экуменическим актом, соединением Восточной и Западной церквей при взаимных уступках, уважении традиций, национально-культурной и религиозной самобытности «Руси».

Автор Баркулабовской летописи апеллирует к праву, ссылаясь на сеймовые депутатские заявления, Варшавскую конфедерацию 1573 г. Ситуацию после 1596 г. он оценивает как «турбоване Речи Посполитой», поправление «прав волностей наших», предостерегает «абы далее до крови ... не пришло». Суждения и оценки историографа характеризуют его как сторонника идеи общественного согласия и веротерпимости, поборника национально-культурных и религиозных традиций православной «Руси». [13, С. 175–191].

Идея гражданского мира и согласия находила поддержку у трезвомыслящих политиков римо-католического вероисповедания. Широкую известность в обществе имело высказывание польского канцлера Я. Замойского: «если бы возможно было то, чтобы все сделались папистами, я бы отдал половину моей жизни... но если кто будет делать вам насилие, отдам для вас всю мою жизнь, чтоб только не быть свидетелем этого принуждения» [16, С. 71]. Защита религиозной свободы ярко выражена в сочинениях шляхтича-католика Яна Щенсного. Претворение в жизнь унии он мыслил «мирным и договорным путём». В послании папе Павлу V от 5 сентября 1616 г. Щенсный писал, что Польша обязана своим

благодаря «рассудительности наших предков и нас самих» [5, С. 208–209]. Солидаризируясь с высказыванием Я. Замойского, мыслитель в сеймовой речи 1610 (? 1613) года от имени «честных шляхтичей» заявлял, что римо-католическая вера «несомненно самая ... истинная..., но если хотят ... принудить к ней насильем, то мы жизни не пожалеем, чтобы этого не случилось». Цель «святого единения» не может быть достигнута насильем. Щенский призывал остановить насильственную унификацию общества, мотивируя это тем, что она провоцирует межрелигиозные и межнациональные военные конфликты в Речи Посполитой, является политически недальновидным, противоправным делом. Свободы православной «Руси» освящены древним обычаем, должны соблюдаться в той же мере, что и права польского народа [16, С. 70–75].

Один из инициаторов унии – канцлер ВКЛ Л. Сапега придавал особое значение строгому соблюдению законности и принципа добровольности при проведении унификации. В письме к И. Кунцевичу от 12 марта 1622 г. он решительно осудил религиозное насилие, которое практиковал униатский архиепископ по отношению к православным. В религиозном фанатизме Сапега усматривал причину «внутренних распрей, домашних раздоров», представляющих огромную опасность для общества и государства, общего блага Речи Посполитой. [12, С. 76–79]. В письме к униатскому митрополиту И. Рутскому от 9 февраля 1621 г. Сапега даже советовал митрополиту держать полоцкого владыку «на вояжах», поскольку тот «слишком жестоко начал поступать... и омерзел народу, как в Полоцке, так и везде» [3, С. 30–31].

Таким образом, содержание конфессионально-правового самосознания рассматриваемого времени обусловлено резким обострением религиозной борьбы в связи с насильственным введением Брестской церковной унии. Общественное сознание проникается духом конфронтации, существенно возрастает значение вероисповедного фактора. Узловым моментом и формой выражения общественных исканий стала дискуссия вокруг Брестской унии. Теоретически уния содержала позитивную идею примирения и духовно-культурного сближения Востока и Запада, но её форсированное введение встретило решительное противодействие у значительной части православного сообщества, привело к общественным потрясениям, расколу народа по конфессиональному признаку. Процесс этот получил яркое отражение в произведениях антиуниатских полемистов. Концепцию религиозной свободы, выработанную отечественной ренессансно-гуманистической мыслью XVI в., обосновывали не только православные и протестанты, но и патриотически настроенные, трезво мыслящие публицисты и общественные деятели католического вероисповедания. Они также пытались предотвратить растущую национально-религиозную конфликтность в обществе, в которой усматривали угрозу распада государства. Идея гражданского и религиозного согласия была теснейшим образом связана с гуманистическими требованиями политического равенства народов и конфессий Речи Посполитой, правового регулирования общественных процессов, ненасильственного решения вопросов духовной жизни.

Список литературы: 1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. – Т. 4. – 574 с. 2. Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1887. – Ч. 1. – Т. 7. – XVI, 802 с. 3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. – Вильна: Печатня губ. правл., 1867. – Т. 2. – 394 с. 4. Бантыш-Каменский Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии / Н. Бантыш-Каменский. – М.: Синод. тип., 1805. – 454 с. 5. Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії (X–початок XVII ст.): Зб. док. і матеріалів. – Київ: Наук. думка, 1988. – 287 с. 6. Зизаний С. Казань святого Кирилла патріарха Іерусалимського о антихристе и знаках его з роз-

ширением науки против ересей розньных / С. Зизаний. – Вильна: Друк. Брацкая, 1596.

7. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 524 с.

8. Переписка литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги // Литовские епархиальные ведомости за 1893 год. – Вильна, 1895. – С. 72–75.

9. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А. Траншеля, 1878. – Кн. 1 (Русская историческая библиотека. Т. 4). – 1448 с.

10. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А. М. Котомина и К0, 1882. – Кн. 2 (Русская историческая библиотека. Т. 7). – 1820 с.

11. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Сенатская тип, 1903. – Кн. 3 (Русская историческая библиотека. Т. 19). – 1300 с.

12. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский, М. В. Кашуба, С. А. Подокшин и др. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 319 с.

13. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.

14. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Уклад., уступ. арт. і камент. У. Г. Кароткага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 309 с.

15. Саверчанка І. В. Старажытная паэзія Беларусі: XVI – першая палова XVII ст. / І. В. Саверчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 254 с.

16. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1865. – Вып. 1. – 132 с.

17. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна: Тип. губ. правл. 1866. – Вып. 2. – 281, VIII с.

18. Старостенко В. В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.) / В. В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 200 с.

*Усманов С. М.
г. Иваново, Россия*

ПОСТСОВЕТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В НАСЛЕДИИ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ПУТИ МЕРТВЫЕ И ЖИВЫЕ

После распада СССР Россия и ее соседи столкнулись с целым рядом огромных и трудноразрешимых проблем. Многие испытания прошедших двух десятилетий постсоветской эпохи еще далеко не прояснили дальнейшие пути развития новых независимых государств не только в практической, реальной политике, но и в сфере ее осмысления. Предлагаемые различными экспертами и навязываемые извне «центрами силы» правила «шахматной игры» в этой обширной части современного мира срабатывают очень плохо и не обещают обнадеживающих перспектив.

В этой связи стоило бы еще раз отметить явную недостаточность постсоветских исследований и в современной России. После десятилетия почти полного игнорирования такого рода проблематики в начале XXI столетия мы наблюдаем всплеск интереса к трансформациям как на всем постсоветском пространстве, так и в некоторых его государствах – главным образом, оказавшихся в водовороте «цветных революций» прошедшего десятилетия. Однако вызванный данными событиями вал комментариев, оценок и прогнозов, данных «ведущими экспертами» и «нашими обозревателями», также продемонстрировал явную недостаточность большинства их авторов. Здесь дело зачастую сводится лишь к констатациям очевидного, эмпирическим наблюдениям и выписываниям рецептов применения патентованных образцов.